

УДК 343.3/7
ББК 67.408.1

А.В. Елинский,
кандидат юридических наук,
Конституционный Суд Российской Федерации

АНАЛИЗ АРГУМЕНТАЦИЙ ЖАЛОБ ОБ ОСПАРИВАНИИ НОРМ ОСОБЕННОЙ ЧАСТИ УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РФ, ОТКЛОНЯЕМЫХ КОНСТИТУЦИОННЫМ СУДОМ РФ*

В статье дается анализ наиболее распространенных аргументов, к которым апеллируют заявители при обосновании своей позиции о неконституционности той или иной нормы Особенной части Уголовного кодекса РФ: 1) аргументы о том, что уголовным законом одно и то же деяние рассматривается и как отдельное преступление, и как квалифицирующий признак другого преступления, что позволяет квалифицировать содеянное по совокупности; 2) аргументы о том, что в законодательстве отсутствует дефиниция того или иного понятия либо имеется неопределенность в регламентации одного из признаков состава описываемого преступления; 3) аргументы, выражающие сомнения в реальной доказуемости соответствующего преступления, в частности, в доказуемости умысла виновного. Такая аргументация последовательно отклоняется Конституционным Судом РФ.

Ключевые слова: Конституционный Суд; уголовный закон; аргументация; уголовная ответственность; квалификация; совокупность преступлений; неопределенность.

A.V. Yelinsky,
Ph.D. in Law,
The Constitutional Court of the Russian Federation

ANALYSIS OF REASONING IN APPEALS AGAINST THE NORMS OF THE SPECIAL PART OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION DISMISSED BY THE CONSTITUTIONAL COURT OF THE RUSSIAN FEDERATION

The paper analyses most common reasoning used by litigants to justify their position when they appeal against the unconstitutional character of one or another norm of the Special Part of the Criminal Code of the Russian Federation: 1) reasoning that one and the same action is viewed by law both as a separate crime and as a qualifying element of another crime, which allows to qualify the actions by a cumulation of crimes; 2) reasoning that the legislative documents do not contain the definition of a certain concept or there exists an uncertainty in the regulation of a constituent element of the described crime; 3) reasoning that expresses doubts regarding the actual provability of the corresponding crime, and in particular, regarding the provability of the guilty person's intentions. Such reasoning is regularly dismissed by the Constitutional Court of the Russian Federation.

Key words: the Constitutional Court; Criminal Law; reasoning; criminal liability; qualification; cumulation of crimes; uncertainty.

Приходится признать, что объем и количество решений Конституционного Суда РФ, касающихся Особенной части УК РФ, заметно меньше в сравнении с его решениями, в которых затрагивались вопросы Общей части. Вероятно, это обусловлено тремя факторами. Во-первых, нормы Особенной части УК РФ реже становились предметом конституционных обращений, нежели нормы Общей

части. Во-вторых, по жалобам граждан на нарушение конституционных прав в результате применения норм Особенной части УК РФ Конституционный Суд РФ чаще приходил к выводу о том, что за требованием о проверке конституционности уголовно-правовой нормы в обращении фактически усматривается обжалование конкретных правоприменительных решений. В-третьих, нормы Особенной части УК РФ, являясь, по своей сути, отражением воли законодателя в криминализации того или иного общественно опас-

* Статья отражает личное мнение автора и не является официальной позицией какого-либо государственного органа.

ного деяния, в большей мере относятся к его конституционно гарантированной дискреции в области уголовного законодательства, вследствие чего проверка таких норм была бы сопряжена с оценкой целесообразности конкретного уголовно-правового запрета и, соответственно, с выходом Конституционного Суда РФ за пределы его полномочий и недопустимым вмешательством в сферу компетенции законодательной власти.

При этом лишь в отдельных случаях, когда дефектность той или иной нормы Особенной части УК РФ является очевидной и значительной, Конституционный Суд РФ реализует свое полномочие в качестве «негативного законодателя». В иных случаях Конституционный Суд РФ отклоняет аргументы и доводы заявителей.

Так, Конституционный Суд РФ в своих решениях последовательно отклоняет аргументы о том, что та или иная норма уголовного закона позволяет расценивать одно и то же деяние и как отдельное преступление, и как квалифицирующий признак другого преступления, и тем самым квалифицировать содеянное по совокупности.

В одной из конституционных жалоб оспаривалась конституционность ч. 1 ст. 209 и ч. 3 ст. 222 УК РФ. По мнению заявителя, приобретение, передача, хранение и ношение огнестрельного оружия, если они совершаются членом вооруженной преступной группы (банды), должны охватываться составом одного преступления – бандитизма, предусмотренного ст. 209 УК РФ; применение же при осуждении по данной статье также ч. 3 ст. 222 УК РФ привело к двойному осуждению за одно и то же деяние.

Конституционный Суд РФ в Определении от 16 ноября 2006 г. № 464-О* по данной жалобе указал, что предусмотренные ст. 209 и 222 УК РФ деяния образуют самостоятельные виды преступлений, которые различаются между собой по признакам составов и могут совершаться вне связи друг с другом. Установление отдельной ответственности за совершение каждого из них не выходит за рамки полномочий федерального законодателя. В Определении от 23 июня 2009 г. № 896-О-О Конституционный Суд РФ уточнил этот вывод применительно к квалифи-

кации по совокупности преступлений, предусмотренных ст. 208 и 222 УК РФ, указав, что данные статьи содержат описание разных по существу преступлений и не соотносятся между собой ни как часть и целое, ни как общая и специальная нормы.

В Определении от 8 апреля 2010 г. № 601-О-О Конституционный Суд РФ отклонил довод заявителя, оспаривавшего конституционность ч. 2 ст. 209 УК РФ, которая, по его мнению, позволила квалифицировать разбой, совершенный по предварительному стовору в составе устойчивой вооруженной группы (банды), как совокупность преступлений, предусмотренных ч. 3 ст. 162 УК РФ (в первоначальной редакции) и ч. 2 ст. 209 УК РФ.

В этом решении было указано, что участие в устойчивой вооруженной группе (банде) или в совершаемых ею нападениях, уголовная ответственность за которое предусмотрена ч. 2 ст. 209 УК РФ, и разбой, совершенный организованной группой в целях завладения имуществом в крупном размере, регламентированный пп. «а» и «б» ч. 4 ст. 162 УК РФ, образуют самостоятельные составы преступлений, различающиеся по объекту уголовно-правовой охраны (общественная безопасность в одном случае, собственность и здоровье – в другом), цели преступления (участие в банде не предусматривает в качестве обязательного элемента состава бандитизма каких-либо конкретных целей осуществления вооруженной бандой нападений, а разбой осуществляется только в целях хищения), объективной стороне (участие в банде может иметь формы финансирования, обеспечения ее оружием, транспортом, а разбой состоит в нападении на потерпевшего, сопряженном с применением насилия или с угрозой его применения). Иными словами, ч. 2 ст. 209 и пп. «а» и «б» ч. 4 ст. 162 УК РФ регламентируют разные преступления, которые могут иметь общий признак – совершение нападений, и не соотносятся между собой как часть и целое и как общая и специальная нормы. Поэтому назначение за них наказания по совокупности преступлений не может рассматриваться как противоречие ст. 50 (ч. 1) Конституции РФ, гарантирующей каждому право не быть повторно осужденным за одно и то же преступление, и не только не нарушает принцип справедливости, но, напротив, отвечает требованию справедливого наказания за совершенное преступление.

* Тексты решений Конституционного Суда РФ доступны на его официальном сайте [7].

Конституционный Суд РФ также последовательно отклоняет аргументы заявителей, которые утверждают о неконституционности п. «з» ч. 2 ст. 105 и п. «в» ч. 4 ст. 162 УК РФ как позволяющих, по их мнению, квалифицировать убийство, совершенное в ходе разбойного нападения, по совокупности преступлений.

Так, в решениях Конституционного Суда РФ неоднократно указывалось (Определения от 18 декабря 2007 г. № 932-О-О, от 19 мая 2009 г. № 844-О-О, от 27 мая 2010 г. № 660-О-О и от 16 декабря 2010 г. №167-О-О), что п. «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ, устанавливающий ответственность за умышленное убийство из корыстных побуждений или по найму, а равно сопряженное с разбоем, вымогательством или бандитизмом, и п. «в» ч. 4 ст. 162 УК РФ, устанавливающий ответственность за разбой, совершенный с причинением тяжкого вреда здоровью потерпевшего, не содержат каких-либо положений, которые определяли бы правила квалификации совокупности преступлений, в частности, предусматривали бы обязательность квалификации убийства, совершенного в процессе разбойного нападения как совокупности преступлений – умышленного убийства и разбоя.

Однако в марте 2011 г. в Конституционный Суд РФ поступило обращение [2], в котором п. «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ, а также ч. 2 ст. 17 УК РФ оспаривались не сами по себе, а в истолковании, которое придается им Верховным Судом РФ в постановлениях его Пленума (абз. 3 п. 11 Постановления от 27 января 1999 г. № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» и п. 22 Постановления от 27 декабря 2002 г. №29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое»).

В Определении от 21 апреля 2011 г. № 578-О-О по данной жалобе Конституционный Суд РФ указал, что убийство, т. е. умышленное причинение смерти другому человеку, сопряженное с разбоем (п. «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ), и разбой, т. е. нападение с применением насилия в целях хищения чужого имущества, совершенный с причинением тяжкого вреда здоровью потерпевшего (п. «в» ч. 4 ст. 162 УК РФ), различны с точки зрения деяния (действие, причиняющее смерть, и нападение, направленное на завладение чужим имуществом), имеют разные объекты (жизнь – в одном случае, собственность и здоровье – в другом), предполагают разное

психологическое отношение к деянию и его последствиям. Иными словами, п. «з» ч. 2 ст. 105, п. «в» ч. 4 ст. 162 УК РФ содержат описание разных преступлений, которые, вопреки утверждению заявителя, не соотносятся между собой как целое и часть. Содержащиеся в ст. 105 и 162 УК РФ нормы не соотносятся друг с другом и как общая и специальная, а потому действия виновных в разбойном нападении, в ходе которого потерпевшему причиняется смерть, подлежат квалификации по совокупности преступлений. Такой смысл данным нормам придается и правоприменительной практикой (п. 11 Постановления Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» и п. 22 Постановления Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое»). Оспариваемые положения ст. 17 и 105 УК РФ во взаимосвязи с его ст. 69, регламентирующей правила назначения наказания по совокупности преступлений, призваны обеспечить реализацию принципа справедливости при применении уголовного закона, в силу которого наказание должно соответствовать, помимо прочего, характеру и степени общественной опасности преступления (ч. 1 ст. 6 УК РФ). Такое соответствие в случаях, когда лицом совершены деяния, охватываемые единым умыслом, но различающиеся по объекту посяательства, объективной и субъективной стороне и образующие тем самым преступления, предусмотренные различными статьями уголовного закона, достигается, в том числе, путем квалификации содеянного и назначения наказания по совокупности преступлений. Иное противоречило бы задачам и принципам Уголовного кодекса РФ, целям уголовного наказания (Определение от 19 мая 2009 г. № 846-О-О). Не являются исключением и случаи, когда совершенные лицом деяния охватываются диспозициями ст. 105 и 162 УК РФ, а запрет на квалификацию действий виновного по совокупности предусмотренных ими преступлений противоречил бы принципу справедливости.

Таким образом – пришел к выводу Конституционный Суд РФ, – оспариваемые нормы закона не только не нарушают принцип справедливости, но, напротив, позволяют назначать справедливое наказание по совокупности преступлений, имеющих разнородные объекты – собственность и жизнь.

Необходимость квалификации убийства, сопряженного с разбоем, по совокупности преступлений, поддерживал профессор А.Н. Игнатов, справедливо полагая, что в этом случае налицо реальная совокупность преступлений. Аналогичным образом он указывал и на необходимость квалификации по совокупности убийства, сопряженного с изнасилованием (п. «к» ч. 2 ст. 105 и ст. 131 УК РФ). «Квалификация деяния только по ч. 2 ст. 105 УК РФ, – говорил он, – может привести к парадоксальной ситуации. Так, если судом будет установлено, что причинение смерти потерпевшей при изнасиловании было совершено по неосторожности, обвинение в убийстве при отягчающих обстоятельствах отпадает. Суд не может переqualифицировать деяние на ст. 131 УК РФ, так как обвинение в изнасиловании не предъявлялось... Суду в таком случае не остается ничего, как переqualифицировать содеянное с п. «к» ч. 2 ст. 105 УК РФ на ст. 109 УК РФ (причинение смерти по неосторожности). Тяжкое преступление – изнасилование остается без юридической оценки, а виновный без наказания» [3, с. 227].

Аналогичного мнения придерживаются и другие ученые: Э.Ф. Побегайло [1], П.С. Яни [6], Д.Ю. Краев [4].

В Определениях от 19 мая 2009 г. № 845-О-О и № 846-О-О Конституционный Суд РФ в раз-вернутой форме дал ответ на вопрос о допустимости квалификации разбойного нападения, при котором причинение тяжкого вреда здоровью повлекло по неосторожности смерть потерпевшего, по совокупности преступлений, предусмотренных ч. 4 ст. 111 и п. «в» ч. 4 ст. 162 УК РФ. В частности, Суд указал следующее.

Умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, повлекшее по неосторожности смерть потерпевшего (ч. 4 ст. 111 УК РФ), и разбой, совершенный с причинением тяжкого вреда здоровью потерпевшего (п. «в» ч. 4 ст. 162 УК РФ), образуют самостоятельные составы преступлений, различающиеся по объекту уголовно-правовой охраны, характеру посягательства, направленности умысла и степени опасности, а потому назначение за них наказания по совокупности не может рассматриваться как противоречие принципу *non bis in idem*, и не только не нарушает принцип справедливости, но, напротив, соответствует ему. Данные преступления имеют разные объекты (здоровье и жизнь – в одном

случае, собственность и здоровье – в другом), разные последствия (смерть и вред здоровью) с разным психологическим отношением к этим последствиям (двойная форма вины в одном случае и умышленная форма вины – в другом). Иными словами, ч. 4 ст. 111 и п. «в» ч. 4 ст. 162 УК РФ содержат описание разных преступлений, которые, хотя и имеют общий признак – причинение тяжкого вреда здоровью, не соотносятся между собой как часть и целое: наступление смерти потерпевшего не включено в признаки состава разбоя, совершенного с причинением тяжкого вреда здоровью потерпевшего. Соответственно, причинение тяжкого вреда здоровью потерпевшего, повлекшего его смерть (преступление против жизни), не может поглотить разбой (преступление против собственности), как и разбой не может поглотить причинение тяжкого вреда здоровью потерпевшего, повлекшего его смерть.

Таким образом, пришел к выводу Конституционный Суд РФ, действия виновных в разбойном нападении, в ходе которого потерпевшему причиняется тяжкий вред здоровью, повлекший его смерть, подлежат квалификации по совокупности преступлений. Такой смысл данным нормам придается и правоприменительной практикой (п. 21 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» в редакции Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 6 февраля 2007 г. № 7).

Одними из наиболее «популярных» в контексте оспаривания статей Особенной части уголовного закона являются аргументы заявителей об отсутствии в этих статьях формализованных дефиниций тех или иных понятий либо неопределенность одного из признаков описываемого состава преступления.

Конституционный Суд РФ последовательно отклоняет эти аргументы, указывая на то, что оспариваемые заявителями нормы допускают привлечение к уголовной ответственности не за любые действия, описанные в диспозиции соответствующей нормы, а только за те, которые охватываются умыслом (и преследует определенную цель, если такая является обязательным признаком преступления).

Так, заявители утверждали, что ч. 1 ст. 293 УК РФ не содержит конкретных признаков

объективной и субъективной сторон данного состава преступления (Определение от 10 октября 2002 г. № 329-О) или что отсутствие в ст. 187 УК РФ определенности понятия «иные платежные документы, не являющиеся ценными бумагами», допускает ее применение по аналогии (Определения от 25 января 2005 г. № 66-О и № 69-О).

В других жалобах заявители утверждали, что отсутствие в ст. 199 УК РФ определения понятий «иные документы» и «недостовверная информация» позволяет произвольно толковать их, что препятствует отграничению предусмотренного ею преступления от непереступных деяний в тех случаях, когда содержащаяся в документах ложная информация не связана с исчислением налогов и сборов (Определение от 20 декабря 2005 г. № 478-О), а также приводился аргумент об отсутствии в ст. 238 УК РФ определения субъекта данного преступления (Определение от 15 ноября 2007 г. № 805-О-О).

Также в качестве таких аргументов приводился довод об отсутствии в ст. 294 УК РФ формальной определенности понятия «в какой бы то ни было форме» как способа совершения преступления (Определение от 28 мая 2009 г. № 635-О-О), либо заявитель утверждал, что ч. 1 ст. 119 УК РФ позволяет произвольно привлекать к уголовной ответственности на основании одного лишь субъективного восприятия потерпевшим угрозы убийством или причинением тяжкого вреда здоровью как реальной (Определение от 23 марта 2010 г. № 368-О-О), а также, что ст. 303 УК РФ является неконституционной, поскольку не разграничивает признаков фальсификации и недопустимости доказательств (Определение от 25 ноября 2010 г. № 1540-О-О), а ст. 177 УК РФ не определяет понятие «кредиторская задолженность» (Определение от 26 мая 2011 г. № 675-О-О) и др.

В последнее время Конституционный Суд РФ, отклоняя аргументы заявителей об отсутствии в уголовно-правовой норме формализованных дефиниций тех или иных понятий, все чаще обращается к разъяснениям Верховного Суда РФ, указывая, что содержание соответствующего понятия раскрывается в постановлении Пленума этого суда.

Так, например, аргумент заявителя о том, что ст. 290 УК РФ не определяет момент окончания предусмотренного ею преступления для целей установления добровольного

отказа от получения взятки, Конституционный Суд РФ в Определении от 25 февраля 2010 г. № 252-О-О отклонил, обратившись к Постановлению Пленума Верховного Суда РФ от 10 февраля 2000 г. № 6 «О судебной практике по делам о взяточничестве и коммерческом подкупе», согласно которому предусмотрено ст. 290 УК РФ преступление является оконченным с момента получения должностным лицом хотя бы части передаваемых ценностей (п. 11).

Также в Определении от 21 июня 2011 г. № 852-О-О Конституционный Суд РФ, отклоняя аргумент заявительницы об отсутствии в ст. 199 УК РФ определения субъекта преступления, сослался на п. 7 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28 декабря 2006 г. «О практике применения судами уголовного законодательства об ответственности за налоговые преступления», в котором раскрывается круг лиц, которые могут совершить указанное преступление.

Аналогичные ссылки при отклонении жалоб можно найти в Определениях Конституционного Суда от 23 марта 2010 г. № 368-О-О, от 22 апреля 2010 г. № 597-О-О, от 21 апреля 2011 г. № 572-О-О, от 21 июня 2011 г. № 852-О-О и др.

В ряде случаев Конституционный Суд РФ отклоняет аргументы заявителей об отсутствии в статье Особенной части УК РФ определения тех или иных понятий на том основании, что необходимые дефиниции содержатся в положениях нормативно-правовых актов иной отраслевой принадлежности.

В частности, Определением от 19 марта 2009 г. № 324-О-О были отклонены аргументы заявительницы, полагавшей, что ст. 199.2 УК РФ допускает произвольное ее применение, поскольку не определяет, какое именно имущество организации или индивидуального предпринимателя подпадает под категорию имущества, за счет которого должно быть произведено взыскание недоимки по налогам и (или) сборам. Конституционный Суд РФ указал, что ст. 199.2 УК РФ, являясь бланкетной, подлежит применению в системном единстве с соответствующими положениями Налогового кодекса РФ, в частности его ст. 46 и 47, определяющими, в том числе, за счет каких денежных средств и имущества налогоплательщика производится взыскание налога, сбора, а также пеней и штрафов.

Также в Определении от 28 мая 2009 г. № 634-О-О Конституционный Суд РФ отметил, что ч. 3 ст. 138 УК РФ, будучи по своему характеру бланкетной, не содержит понятия и перечня специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации, а подлежит применению в системном единстве с положениями других нормативных правовых актов. Так, Перечень видов специальных технических средств, предназначенных (разработанных, приспособленных, запрограммированных) для негласного получения информации в процессе осуществления оперативно-розыскной деятельности, был утвержден Постановлением Правительства РФ от 1 июля 1996 г. № 770.

Определением от 25 ноября 2010 г. № 1524-О-О был отклонен аргумент заявителя о том, что ст. 226 УК РФ в силу неопределенности употребленного в ней понятия «огнестрельное оружие» позволила суду произвольно истолковать это понятие. Конституционный Суд РФ указал, что, вопреки утверждению заявителя, ст. 226 УК РФ неопределенности не содержит, поскольку употребленное в ней понятие «огнестрельное оружие» закреплено и конкретизировано нормами Федерального закона от 13 декабря 1996 г. № 150-ФЗ «Об оружии».

Аналогичные доводы приводились Конституционным Судом и в других определениях.

Еще одну группу составляют аргументы, которыми заявители обосновывают неконституционность той или иной статьи Особенной части УК РФ сомнениями в реальной доказуемости совершения лицом соответствующего преступления, в частности, в доказуемости умысла виновного. Они отклоняются, как правило, на том основании, что процессуальные вопросы доказывания по уголовным делам не являются предметом регулирования Уголовного кодекса РФ, поскольку такие положения содержатся в уголовно-процессуальном законодательстве.

В качестве примеров можно привести Определение от 13 октября 2009 г. № 1187-О-О, которым был отклонен аргумент заявителя о том, что ч. 1 ст. 30 УК РФ позволяет привлекать к уголовной ответственности за приготовление к преступлению в отсутствие возможности доказать умысел лица на совершение оконченного преступления; а также Определение от 17 ноября 2009 г. № 1536-О-О по жалобе, в

которой заявитель утверждал, что ч. 3 ст. 33 и п. «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ позволяют привлекать к уголовной ответственности лицо за организацию убийства по найму при отсутствии доказанности умысла на получение вознаграждения за такое деяние.

Предметом оспаривания в порядке конституционного судопроизводства становились также статьи Уголовного кодекса РФ, предусматривающие ответственность за посягательства на лиц, обладающих специальным статусом (сотрудники правоохранительных органов, судьи, военнослужащие и др.). Заявители, как правило, утверждают, что такие уголовно-правовые нормы, устанавливая более строгие меры наказания за преступления против лиц, обладающих специальным статусом, по сравнению с наказанием за аналогичные преступления, совершенные в отношении обычных граждан, нарушают принцип равенства и (или) являются дискриминационными. Конституционный Суд РФ последовательно отклоняет эти аргументы.

Так, в Определении от 27 мая 2004 г. № 186-О указывалось, что ст. 297 и 298 УК РФ являются специальными нормами, предусматривающими уголовную ответственность за посягательства не только на честь и достоинство личности, но и на общественные отношения в сфере осуществления правосудия, не содержат каких-либо положений, дискриминационных по отношению к тем или иным категориям граждан и ограничивающих конституционные права личности. В частности, данные статьи не исключают право гражданина на свободу мысли и слова, они не предполагают принуждение его к отказу от своих мнений и убеждений, а также запрет передавать, производить и распространять информацию, в том числе содержащую критические замечания относительно деятельности судов и правоохранительных органов, любым законным способом (ст. 29, ч. 1, 3 и 4, Конституции РФ).

В Определениях от 23 сентября 2010 г. № 1217-О-О и от 19 октября 2010 г. 1388-О-О Конституционный Суд РФ отклонил аргументы заявителей, оспаривавших конституционность ст. 317 и ч. 2 ст. 321 УК РФ. При этом Суд указал на повышенную общественную опасность деяний, посягающих на жизнь сотрудника правоохранительного органа (ст. 317 УК РФ) либо выражающихся в применении насилия в отношении сотрудника

места лишения свободы или места содержания под стражей (ч. 2 ст. 321).

Таким образом, наиболее распространенными аргументами, к которым апеллируют заявители при обосновании своей позиции о неконституционности той или иной статьи Особенной части УК РФ, являются:

– аргументы о том, что уголовным законом одно и то же деяние рассматривается и как отдельное преступление, и как квалифицирующий признак другого преступления, что позволяет рассматривать содеянное как совокупность (ст. 17 УК РФ). Конституционный Суд РФ отклоняет эти аргументы постольку, поскольку соответствующие деяния образуют самостоятельные виды преступлений, которые различаются между собой по тем или иным признакам состава;

– аргументы о том, что в законодательстве отсутствует дефиниция того или иного понятия либо имеется неопределенность в регламентации одного из признаков состава

описываемого преступления. Конституционный Суд РФ последовательно отклоняет эти аргументы, указывая (в зависимости от предмета обжалования) на то, что: а) оспариваемая норма предполагает наступление ответственности не за любые, а только за умышленные, т. е. осознаваемые виновным деяния; б) содержание того или иного понятия, использованного в оспариваемой статье, раскрывается в положениях нормативно-правовых актов иной отраслевой принадлежности либо в разъяснениях Пленума Верховного Суда РФ;

– аргументы, выражающие сомнение в реальной доказуемости соответствующего преступления, в том числе, умысла виновного. Они отклоняются на том основании, что процессуальные вопросы доказывания по уголовным делам не являются предметом регулирования Уголовного кодекса РФ, а соответствующие положения содержатся в уголовно-процессуальном законодательстве.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеев А.И., Овчинский В.С., Побегайло Э.Ф. Российская уголовная политика: преодоление кризиса. – М., 2006. – С. 41–43.
2. Дело № 4069 от 29.03.2011 // Архив Конституционного Суда РФ.
3. Игнатов А.Н. Конституционные принципы и развитие уголовного права // Конституционные основы уголовного права : материалы I Всерос. конгресса по уголовному праву, посвящ. 10-летию Уголовного кодекса Российской Федерации. – М., 2006. – С. 227.
4. Краев Д.Ю. Основной вопрос квалификации убийств, сопряженных с иными преступлениями (пп. «в», «з», «к» ч. 2 ст. 105 УК РФ) // Уголовное право. – 2011. – № 4. – С. 31–33.
5. Михайловский И.В. Основные принципы организации уголовного суда. – Томск, 1905.
6. Яни П.С. Сопряженность не исключает совокупности // Законность. – 2005. – № 2. – С. 27.
7. URL: <http://www.ksrf.ru/Decision/Pages/default.aspx>

REFERENCES

1. Alekseev A.I., Ovchinskiy V.S., Pobegaylo E.F. *Rossiyskaya ugolovnaya politika: preodolenie krizisa* [Russian Criminal Policy: Overcoming the Crisis]. Moscow, 2006, pp. 41-43.
2. *Delo № 4069 ot 29.03.2011. Arkhiv Konstitutsionnogo Suda RF* [Case № 4069 of March 29, 2011. Archives of the Constitutional Court of the Russian Federation].
3. Ignatov A.N. *Konstitutsionnye printsipy i razvitiye ugolovnogogo prava // Konstitutsionnye osnovy ugolovnogogo prava* [Principles of Constitution and the Development of Criminal Law // Constitutional Foundations of Criminal Law]. Moscow, 2006, pp. 227.
4. Kraev D.Yu. *Ugolovnoe pravo* [Criminal Law]. 2011, no. 4, pp. 31-33.
5. Mikhaylovskiy I.V. *Osnovnyye printsipy organizatsii ugolovnogogo suda* [Main Principles of Criminal Court's Organization]. Tomsk, 1905.
6. Yani P.S. *Zakonnost'* [Lawfulness]. 2005, no. 2, pp. 27.
7. <http://www.ksrf.ru/Decision/Pages/default.aspx>

Информация об авторе

Елинский Андрей Валерьевич (Санкт-Петербург) – кандидат юридических наук, главный консультант Управления конституционных основ уголовной юстиции. Конституционный Суд Российской Федерации (190000, Санкт-Петербург, Сенатская пл., 1, e-mail: elinsky@ksrf.ru).

Information about the author

Yelinsky, Andrei Valeryevich (Saint Petersburg) – Ph.D. in Law, Chief Consultant of the Department of Constitutional Foundations of Criminal Justice. The Constitutional Court of the Russian Federation (Senatskaya square, 1, Saint Petersburg, 190000, e-mail: elinsky@ksrf.ru).